

ВЕРНУТЬ УКРАДЕННОЕ ДЕТСТВО

Артем ГОЛОВИЙ — организатор проекта наставничества для детей-сирот «Нити дружбы», многодетный папа, среди его пятых детей есть и усыновленный малыш. Артем очень хочет, чтобы и в жизни своих детей и не своих было то, что должно быть безусловно в жизни каждого рожденного на земле человека — детство.

— Артем, почему Вы решили заняться проблемами детей-сирот, проектом наставничества? Обстоятельства Вашей жизни так сложились?

— Когда мне было четыре года, а младшему брату год, отец оставил семью. Причин я не знаю, но это забываемо, когда отец уходит из семьи, оставляя ее на произвол судьбы. Мама сделала все, чтобы нас с братом поднять, хотя ей было очень тяжело. Я помню, что питались мы скудно, одевались плохо, жили в коммуналке. Нас называли «безотцовщиной». А в мои 13 лет мы похоронили маму. Я думаю, что она просто надорвалась, ее сердце не выдержало. Маме было 36 лет. И стали мы с братом круглыми сиротами. Я помню, как сижу с фотографией мамы на кухне и думаю, как жить дальше, что делать. Еще два дня назад она проверяла домашнее задание, а тут все, раз — и пустота. Неожиданно. И начинаются вопросы, как я теперь понимаю, в голове каждого ребенка, оставшегося без родителей — почему так происходит, кто виноват? Я искал эту вину, конечно, и в отце. Думал, размышлял, а кто дальше будет мне поддержкой в этой жизни. Господь не оставил. Бабушка с дедушкой нас с братом не отдали в интернат. Хотя бабушка говорит, что, по идее, должны были забрать. Потому что они с дедушкой пожилые люди, ветераны труда, им не могли доверить детей. Но кто-то из знакомых, имеющих, по всей видимости, определенное положение, походатайствовал за бабушку с дедушкой, мол, они смогут, и мы им помо-

жем, если что. И над нами оформили опеку. Так в моих глазах нарисовались те первые люди, безбучастные к нашей с братом судьбе. Если отвлечься от меня и говорить о нашем времени, то около 90 процентов сирот — социальные сироты, то есть они сироты при живых родителях, при родственниках, которые просто отказываются от них. Уже много лет как волонтер езжу в интернат и вижу, что бабушки-дедушки, дяди-тетя навещают детей, привозят им конфеты, а потом уезжают обратно. Почему — для меня загадка...

Когда мы осиротели, в нашей жизни появился человек, который оказался к нам безразличен. Эту женщину, тетю Веру, знала мама, они вместе в церковь ходили. И вот она протянула нам с братом руку помощи. Любому человеку, а тем более ребенку, который оказался в трудной ситуации, нужен кто-то рядом. Никакая игрушка не поможет. Нужен КТО-ТО. Не что-то. Кто выслушает, посоветует, подскажет. Значимый человек. Значимый взрослый. Не всегда бабушка с дедушкой могли понять то, что могла понять тетя Вера. Они, конечно, открытые сердца, но их больше заботило, сыты ли мы, обуты ли, здоровы ли. Слава Богу и спасибо им — мы остались в семье. А тетя Вера сделала то, что, наверное, должна была сделать мама. Она нас приняла такими, какие мы есть, полюбила, показала пример и силу взаимоотношений. Она открыла для нас двери своего дома и свое сердце. Я в большей степени этим воспользовался, чем мой брат. Она стала интересоваться учебной, отношениями со сверстниками, тем, что у меня получается, а что не очень. Подарила именно то, что надо любому человеку и что я по сей день ценю в каждом — взаимоотношения. Есть я, есть ты, и как бы мы ни были одеты, какое бы образование у нас ни было, на какой ступени социальной лестницы мы бы ни стояли, есть то, что важнее всего — отношения. Ты принимаешь меня, я — тебя, ты по-

могаешь мне, я — тебе, мы связаны нитями дружбы, любви. И это я увидел в ее семье. Для меня это был переворот, я не задавал никаких вопросов, мне хватало одного — картинка, того, чего я был лишен и никогда не видел. Это было документальное кино — как должно быть. Тот самый пример, который воспитывает лучше всяких слов. Я видел, что со мной она не лицемерит, одинаково общается со своей семьей и со мной. Все было по правде. Честно. Для меня эта семья была как островок спокойствия, тепла и уюта. Мне очень хотелось туда возвращаться. Именно тогда у меня появилась мечта — создать свою семью. Я понял, что так, как было в моей жизни, быть не должно. А как было в семье тети Веры — так быть должно. И настолько меня это тогда зажгло. Я поставил себе цель выучиться, получить диплом, хорошую работу, создать большую семью, и чтобы мои дети мной гордились.

— Все получилось?

— Мой дедушка, когда был жив, попросил меня об одной вещи — жениться только после получения диплома. У меня уже была девушка, которая жила в небольшом городке под Брестом. Я дедушке пообещал. И когда получил диплом в московском пограничном институте ФСБ России (так он сейчас называется), получил место распределения по работе, стал служить Родине в погоне, снял квартиру, только тогда я женился. Эта девушка — уже мать пятерых наших детей. И если бы не она, я бы очень многого не сделал. Семья — это тот оплот, который дает желание двигаться вперед. Это моя гордость, мое счастье.

— Начало Вашей идее о наставничестве, я так понимаю, положила тетя Вера?

— Это все собиралось по кирпичику. В 2009 году появилась возможность посетить с волонтерами детский дом — надо было отвезти стиральную машину, купленную

Нити Дружбы

ПРОЕКТ НАСТАВНИЧЕСТВА ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ

итальянцами. Выбрали далекий детский дом — Бытеньский, за 220 км от Минска. И когда я увидел ребят, которые растут без родителей, тогда у меня в сердце что-то серьезное произошло: в этих ребятах я увидел себя. И безнадегу в их глазах. С виду как бы все хорошо. Но внутри пропасть. Я тогда понял, что надо что-то делать. И для себя принял решение ездить в этот детдом. Шестой год ездю в качестве волонтера. Поначалу мы приезжали ко всем детям в интернате. Потом, со временем поняли, что всем внимание не уделить. Постепенно начали приходить к идее наставничества, стали пробовать. Я приезжаю, например, к Пете, а ты приезжаешь к Маше. И с этими детьми мы проводим больше времени, чем с другими, больше общаемся, интересуемся и проговариваем, как у него дела, как учеба, как общение со сверстниками. По телефону потом созваниваемся. Мы ездим, чтобы подружиться.

А в 2011 году с помощью друга я посетил Украину, г. Киев, где организация «Одна Надежда» проводила как раз первую школу по наставничеству для детей-сирот. И вот на этих занятиях я понял, кто такой сирота. То, что я прожил, и то, что я прочувствовал в детстве, — наконец проговорили. Пришло трезвое понимание: ребенка-сироту не надо жалеть. Ему нужна опора, которой он лишился. Ему нужно общение. Дети в детских домах находятся в заточении. Они все с покалеченными судьбами, и с каждым надо лично разбираться, работать над исправлением жизненного положения. С каждым! Работники детских домов — воспитатели, социальные педагоги, психологи — не в силах уделить должное количе-

ство внимания каждому ребенку. И тут, если мы берем международную практику, вступает поддержка таких инициатив, как, например, наша.

— Итак, в 2011 году Вы съездили на курсы. «Нитям дружбы» — год. Три года зрели?

— Идея зародилась, но хотелось создать нечто масштабнее украинского. Меня волнуют, например, семьи, которым еще можно помочь, чтобы не допустить сиротства, предупредить. Я очень хотел бы организовать работу по помощи таким семьям. Меня волнует постинтернатное сопровождение, потому что дети выходят из интернатов и остаются в одиночестве, никому не нужные. Меня беспокоят и дети-инвалиды, которым тоже нужна поддержка и помощь. Короче, много чего хочется сделать. Объять необъятное. Три года я хотел, а потом задал себе два вопроса — кто и что? Что — идея должна быть четкая, внятная, которую можно озвучить людям, и они бы поняли. И второй вопрос — кто — команда. Я искал единомышленников. Через три года все сплелось в «Нити дружбы», нашлись люди, мы четко прописали для себя, что мы хотим делать. И успешно стартовали в конкурсе социальных проектов Social Weekend. И тогда у нас просто выросли крылья. Мы поняли, что взяли верный путь. И пошли им.

— Сколько человек в вашей команде сегодня?

— Семь человек. Мы обучили и выдали около 40 сертификатов наставников. Сейчас у нас пять работающих пар. В ближайший месяц планируем выпустить еще около 20.

— Каков алгоритм подготовки наставника?

— Мы говорим, пиарим, проповедуем — о том, что есть такая идея, присоединяйтесь. Приглашаем на инфовстречу, где рассказываем о проекте. Отвечаем на все вопросы. Говорим честно и открыто: не принимайте скоропалительных решений. А дальше желающие участвовать в проекте заполняют большую, на несколько листов, анкету, ее изучает наш психолог, потом он с каждым встречается, долго беседует. А дальше потенциальный наставник собирает необходимые справки. Затем — тренинг, обучение 3 дня. После него человек получает свидетельство — сертификат. Если еще остались у кандидата в наставники вопросы, назначаем повторное собеседование с психологом, чтобы их разрешить. И к ребенку мы ведем подготовленного взрослого. А дальше — в жизнь.

— Как выбираете, к кому пойдете из детей?

— У нас есть координаторы, один координатор курирует один детский дом (на сегодняшний день у нас три детских дома). Он знакомится с руководством, рассказывает о программе проекта, проводит презентацию. С разрешения руководства мы знакомим с нашим проектом детей — от 11 лет и старше. Подростки — это те, кого уже, скорее всего, не усыновят. Согласно статистике усыновляют детей до 11 лет. После 11 лет процент усыновления 0,7. Вот к ним мы и идем. Директор и завуч собирают детей, и мы доступным языком объясняем, кто такой наставник, что он делает и зачем нужен. Сегодня около 50 детей хотят, чтобы у них были наставники, и к концу этого года, я надеюсь, мы их всех «закроем» — у них будут наставники. Мы хотим, чтобы на их примере другие дети тоже захотели, которые отказались, например, которые сомневались.

— Как часто встречаются наставник и подопечный и до какого возраста последнего эти встречи должны быть обязательными?

— Мы говорим о том, что должно быть, как минимум, 2 личных встречи в неделю. В проекте мы применяем практику Киева — отношения наставника и ребенка делятся не менее года. Мы с наставником заключаем договор. С ребенком это тоже проговаривается. Мы не обещаем ему того, чего не делаем. Это называется честность отношений. Для сироты

она очень важна. Опыт у нас еще мал, мы равняемся на киевский проект. У них, как правило, после года все продолжается, не разрываются взаимоотношения, но я думаю, что даже год таких отношений может многое дать ребенку.

— И не только ребенку. Я полагаю, наставничество меняет обоих участников процесса?

— Иногда наставники приходят сюда и плачут, потому что они даже не подозревали, сколько всего нехорошего и недоброго скрыто в них самих, что это подопечный вскрыл их какие-то внутренние проблемы. Сидит, например, и думает: «Елки зеленые, я был готов помочь сироте, а он тут тронул мою какую-то любимую вещь, и я его готов за эту вещь наказать». Такое очень тяжело увидеть в себе. Дети многому нас учат.

Мы это тоже проговариваем с потенциальными наставниками, предупреждаем, стараемся по максимуму снять все риски и построить работу изначально правильно. Когда мы создаем пару «наставник-воспитанник», мы ее сопровождаем, что очень важно. Мы всегда на связи, помогаем, разбираем, вмешиваемся.

Так же общаемся и с руководством детских домов. Чтобы директор, завуч, социальный педагог, психолог увидели, что к ним пришла помощь, поддержка со стороны наших наставников, а не какая-то обуза и лишняя проблема. Мы хотим показать работникам детских домов, что мы — помогающая сила.

Вообще, планы наши амбициозные. Смотрите, вот статистика: после выхода из интернатных учреждений каждый второй ребенок совершает преступление, каждый пятый становится бомжом, каждый седьмой совершает попытку самоубийства. В ближайшее 2–3 года к нам, в общество, придут 3028 таких выросших детей, которые будут представлять нашу страну не в лучшем свете. Они будут жить рядом с нами, могут стать вашими соседями, придти устраиваться к вам на работу, жениться на вашей дочери... Уменьшить количество преступлений и других проблем, изменить в лучшую сторону жизнь сироты, вовремя в нее вмешавшись, а значит, и будущее всего нашего общества можно с помощью взрослого заботливого друга — наставника. Им может стать каждый.